

1)

Кіевъ, 8 апрѣля.

На грозномъ распутьи. Въ политической атмосферѣ зловѣщая, выжидательная тишина, затишье передъ грозой. Всѣ ждутъ, что будетъ съ государственной думой. Никто не сомнѣвается относительно того, что она заявитъ. Страна уже сказала свое слово. Долгое время поддерживалась ложь, что протестъ противъ самодержавія исходитъ отъ небольшой группы интеллигенціи, что народъ вѣренъ самодержавію и не хочетъ конституціи. Такъ можно было говорить, пока народъ молчалъ, пока онъ не былъ спрошенъ. Народу приписывали фанатическую и фантастическую привязанность къ уряднику и нагайкѣ, къ паспортной системѣ и опеку земскаго начальника. Теперь туманъ разсѣялся и ложь опровергнута. Выказавшись въ огромномъ количествѣ случаевъ за партію Народъ ой Свободы, народъ далъ вотумъ *противъ самодержавія*. Нельзя уже въ самодержавіи видѣть атрибутовъ русской народности, нельзя уже „истинно русскимъ людямъ“ выдавать себя за представителей голоса народа. Народъ отвергнулъ самодержавіе, и эта форма правленія должна удалиться, понявъ, что ея историческая роль сыграна. Иначе правитель-

На грозномъ распутьи.
С. Булгаков: Кто убил Абрамова? // Народ 5 (8 (21).4.1906), 1

3)

облечены эгидой власти и, вмѣсто права и правды, чинятъ безправіе и насиліе, и терроръ тѣхъ, кто гнѣвъ и боль при видѣ этого безправія и насилія простираютъ до самопожертвования, хотя бы путемъ убійства.

Каждое новое политическое убійство должно быть разсматриваемо какъ новый упрекъ власти, какъ укоръ общественной совѣсти, какъ набатъ, свидѣтельствующій о происходящемъ пожарѣ.

Когда же удалимъ мы изъ своей среды поджигателя, когда убійство перестанетъ быть насильственно навязываемымъ, когда установится у насъ право правды... вмѣсто господствующаго права войны?

С. Б—овъ.

2)

ство должно объявить *открытую войну* своему народу. Проникающіе въ печать слухи о намѣреніяхъ правительства и его послѣднія дѣйствія краснорѣчиво говорятъ, что правительство не хочетъ внять голоса народа и устранить, что оно неотвратимо ведетъ страну къ революціи. Да сознаютъ свою ошибку, пусть говорятъ, пусть рѣдъ Богомъ и народомъ властолюбцы, опьяненные виномъ власти и забывшіе объ ея обязанностяхъ! Мы стоимъ надъ развернувшейся бездной, Везувій народнаго гнѣва только начинаетъ дѣйствовать. Близится землетрясеніе. Спасайте пока не поздно.

Кто убилъ Абрамова?

Если въ настоящее время оглашается какой-нибудь вопиющій, преступный поступокъ того или другого представителя правительства, мы знаемъ, что за этимъ слѣдуетъ: бурно вздымающаяся волна общественнаго негодованія, лютая боль общественной совѣсти, общее требованіе разслѣдованія, правосудія, законнаго удовлетворенія чувства общественнаго негодованія, а въ отвѣтъ полное молчаніе, бездѣйствіе правительства, иногда даже демонстративное награжденіе преступника и, въ завершеніе всего, террористической актъ, политическое убійство. И впадеть въ отчаяніе какое-нибудь горячее сердце, не одолѣетъ страшнаго искушенія праведнаго гнѣва и, забывъ слово: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“, приметъ на себя роковую роль мстителя, отдавая при этомъ или обрекая самого себя на вѣрную смерть. Такова краткая и грустная исторія, которая съ математической правильностью повторяется на нашихъ глазахъ: Луженовскій, Филоновъ, Слѣповъ, Курловъ (покушеніе), теперь Абрамовъ. Въ газетахъ обсуждается вопросъ: кто же убилъ Абрамова, революціонеръ или же правительственный агентъ, чтобы скрыть слѣды преступления. Едва ли можно установить въ точности, кто былъ физическимъ исполнителемъ убійства, кто спускалъ курокъ, но мы хорошо знаемъ, кто вложилъ въ руки пистолетъ, кто вдохнулъ мысль объ убійствѣ и ненависть къ убійству, однимъ словомъ, кто виновенъ и кому должно быть вменено это убійство. Виновный тотъ, кто поддерживаетъ беззаконіе и произволъ, творитъ поруганіе права, лишаетъ населеніе законной защиты, т. е. органы русскаго правительства.

Разумѣется, мы со скорбью и болью встрѣчаемъ вѣсть объ этихъ политическихъ убійствахъ. Но съ тѣмъ большей энергіей должны мы исповѣдывать убѣжденіе, что неотразимымъ подстрекателемъ, превращающимъ кроткихъ голубицъ и цѣломудренныхъ юношей въ политическихъ убійцъ, является именно царское у насъ беззаконіе. Мы не можемъ безъ негодованія читать, какъ реакціонеры клеймятъ тѣхъ несчастныхъ, которые, правда, не соразмѣряютъ цѣль средствомъ, но часто (конечно не всегда) святы въ своихъ цѣляхъ. Можно-ли сравнивать холодный, рассчитанный жестокой терроръ тѣхъ, которые